

Сергей Борисович Кан

Якобинская пресса перед 18 марта 1871 г.

Историк-марксист. 1927, т.6. С.111-141
Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Революция 18 марта 1871 г. была совершена совместными усилиями пролетариата и мелкой буржуазии Парижа. Созданное восставшими после бегства Тьера революционное правительство было блоком различных политических партий. Очень велико было значение мелкобуржуазной части этого блока, представленного в Совете Коммуны так называемыми якобинцами — преемниками «Горы» 1848—51 г. Вожди этого политического течения—Делеклюз, Пиа, Гамбон и другие — в короткие дни Парижской Коммуны имели возможность влиять на все стороны деятельности новой власти: они господствовали и в первой исполнительной комиссии и в первом и во втором комитетах общественного спасения. Не удивительно поэтому, что все историки Коммуны, независимо от их политических убеждений, отмечали опромное значение этого влияния. И Маркс указал на него: «повидимому», — писал он в Париж Франкелло и Варлену, — «на-ряду с влиянием рабочих есть и другие влияния».

Таким образом, опромное значение участия в «первом в мире опыте диктатуры пролетариата» представителей нового якобинизма не подлежит никакому сомнению: уже это одно вполне оправдывает наш интерес к этому политическому течению.

Комплекты якобинских газет дней осады и перемирия, собранные институтом Маркса и Энгельса, должны нам помочь в попытке проследить нарастание союза двух движущих сил революции 18 марта — пролетариата и мелкой буржуазии: необходимо установить путь, по которому подвигался навстречу пролетариату передовой отряд мелкой буржуазии Парижа — партия последних якобинцев.

I

Маркс не скрывал своего отношения к тому течению внутри французской революционной партии, которое называли и называют якобинизмом.

Маркс всегда с насмешкой и презрением относился к вождям этой фракции, посвящая им в своих исторических работах наиболее едкие страницы: для Маркса и Энгельса это были враги, но враги находящиеся, в силу исторически сложившихся условий классовой борьбы, в своем лагере, лагере революции. Тем с большим упорством разоблачали вожди Интернационала и вожди рабочего класса деятелей французской левой.

В переписке Маркса и Энгельса прежде всего поражает тот тон, в котором говорят они о хранителях заветов Великой Революции. Прежде всего Маркс неизменно, говоря о них, начинает вставлять в свою немецкую речь различные французские словечки: эти слова, всегда точно определяющие, то, что нужно, подчеркивают все то специфическое, национальное, глупое в своей французской ограниченности, что имеется в этом возрожденном якобинизме:

«Pyat—cet homme artiste, — пишет Маркс Энгельсу в 1852 г., — а этим термином французы определяют все слабости, все отсутствие характера и разума индивида, — переработал декабрьские дни в мелодраматическое театральное представление. Он нашел для этого одного английского антрепенера и с его помощью будет ставить это бесстыдство в Нью-Йорке и пр. — сцены убийства, изгнаний, высылки и т. д. Можно ли еще более подло спекулировать на несчастии своей страны!»¹.

«Cet homme artiste» — и это еще далеко не самое злое определение: по всей переписке разбросаны эпитеты в роде следующих «осел Пиа», «der Narr Pyat», «petits grands hommes», «alte meneurs», «Kerl de bonne foi», «Charivarimann von 1848 der jetzt den Brutus spielt, aber auf sichere Distanz». К жестоким суждениям о якобинцах, разбросанным по «Классовой борьбе» и «18 брюмера» (вроде выражения: «природная мелкобуржуазная телячья кожа, спрятанная под взятой на прокат львиной шкурой конвента») ², здесь в переписке прибавляется и привкус личной антипатии, глубокого презрения. С вождями якобинизма Маркс старается не иметь ничего общего, старается очистить от них, от их влияния, свое дело: чрезвычайно характерна в этом отношении история с французской секцией Интернационала. Эта история вскрывает с достаточной силой причины ненависти и презрения Маркса к деятелям якобинской «демократии». В письме к Энгельсу от 7 июля 1868 г. сообщает он другу об инциденте, имевшем только что место: на праздновании годовщины июньских дней немецким просветительным рабочим союзом в Лондоне выступили державшиеся раньше вдаль от этого общества «старые вожаки». «Herr Pyat» прочел на этом собрании адрес Лондонской коммуны, в котором имеется призыв к убийству (assassinat) Бонапарта. Французская секция—french branch (опять ирония!)—еще усилила этот призыв своим криком, а Везинье напечатал этот адрес в бельгийских газетах «Cigale» и «Espiegle», распространяя влияние Пиа на тамошних интернационалистов. Находившийся в тяжелом положении, вследствие недавних событий в Шарлеруа, Бельгийский комитет сообщил в Лондон, что «эти демонстрации грозят уничтожить все общество на континенте». Бестактные выходки французской ветви—«Die alten demagogischen Redensarten»—особенно тяжело могут отразиться на деле Интернационала, так как «в настоящее время наши люди находятся в Париже», пишет негодующий Маркс, сообщая о том, что Генеральный Совет только что дезавуировал Пиа и отверг всякую причастность его к делу Интернационала. «Я рассматриваю все дело, вытекающее, конечно,

¹ Briefwechsel zwischen Engels und Marx 1844 bis 1883. Stuttgart, 1913. I, 309. 30/III—1852.

² „Классовая борьба во Франции“, изд. „Кр. Новь“, 1923, стр. 75.

из огромного запаса глупости french branch'a, как интригу с т а р ы х п а р т и й, республиканских о слов 1848 г., в частности les petits grands hommes, которыми они представлены в Лондоне. Наше общество для них бревно в глазу. После того, как они напрасно пробовали работать против него, конечно, the next best thing его скомпрометировать». Маркс кончает письмо упрозой по адресу французской ветви: если она не прекратит своих глупостей, ее надо будет выбросить вон! — «Нельзя позволить 50 безобразникам в один момент разрушать Интернациональную Ассоциацию как раз тогда, когда она, вследствие обстоятельств на континенте, начинает превращаться в серьезную силу»...¹. В дальнейших письмах Маркс продолжает держать Энгельса в курсе событий: он пишет о них в письмах от 29 июля и 4 августа: «Пиатисты открыли кампанию против Генерального Совета в «Cigale» и в самом Генеральном Совете»; секция раскололась и «из этой банды» вышел целый ряд товарищей (между ними Дюпон и Лафарг). «Оставшихся около 15-ти, но они ругают «усыпителями» и «зазнавшимися» Генеральный Совет и его членов. Нет ничего более комичного, чем игра этой сволочи в якобинский клуб!»².

В другом письме Маркс с негодованием сообщает о публичном митинге «французской секции» под председательством Пиа, о котором на всех стенах Лондона было расклеено объявление от имени «Французской секции Интернационала». На митинге должен был обсуждаться «протест против политического безразличия, проявленного в Брюсселе на последнем конгрессе Интернациональной Ассоциации»; вместе с тем распространялись и английские объявления с приглашением «демократов всех наций» прибыть «для решения вопроса о том, является ли Рабочая Интернациональная Ассоциация политической организацией!».

Маркс осуждает не одного Пиа и не только деятелей лондонской «Революционной коммуны», не одних лондонских якобинцев: о «Réveil», органе Делеклюза, говорит он как об «органе Ледрю-Роллена», а о самом его редакторе³ как о человеке, который, несмотря на то, что находится в оппозиции к Империи, является «полнейшим выражением шовинизма — car la France est le seul pays de l'idée». Маркс дает в другом месте замечательное объяснение причины этой бешеной оппозиции якобинцев императорскому режиму: «эти республиканские шовинисты», говорит он, «сердятся только на то, что реальное выражение их идола — Луи Бонапарт с длинным носом и биржевиками — не соответствует их фантастическим представлениям»⁴.

Мы видим, следовательно, что Маркс совершенно одинаково относится и к зарубежным, и к местным представителям крайней фракции буржуазной демократии — он гонит их прочь от рабочего движения и старается защитить Интернационал от заразы. В чем видит он эту заразу? Очевидно прежде всего в самом большом для рабочего дела зле — в разрыве слова и дела,

¹ Briefwechsel. IV, 7/VII—1868. S. 65-66.

² Briefwechsel. IV, 4/VIII—1868, S. 73—74.

³ Ibid.

⁴ Ibid. IV, 20/VII—1870, S. 296.

в безответственной сугубо революционной фразе, скрывающей под собой теоретическое убожество и практическую робость. Маркс прекрасно видит, и не ошибается в этом, буржуазную суть этого нового якобинизма, видит под якобинским патриотизмом обычный буржуазный шовинизм, обычное мировоззрение подымающейся и требующей своему товару места под солнцем буржуазии.

«Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых»,—говорит он в «18 брюмера», указывая на то, что в буржуазных революциях «заклинание мертвых служило возвеличением новой борьбы». Последыши Великой Революции только пародировали старую революцию, навязывали старые формы новому содержанию. От этих старых форм и фраз оберегает Маркс молодое, неокрепшее еще, рабочее движение, разоблачая перед пролетариатом новых якобинцев, «Гору» XIX века: «место пророка Аввакума занял Локк», — новые якобинцы за революционными преданиями 1793—95 г.г. скрывают свою истинную сущность, свое истинное лицо—лицо мелкого собственника, лавочника и предпринимателя. «Гора» XIX века только «приспособлялась» к буржуазному обществу. Из основной движущей силы революции мелкая буржуазия превращалась в то бессильное третье, что находится между двумя основными классами капиталистического общества. Это бессилие Маркс хорошо видит; он видит и то, что притягивает мелкую буржуазию к революционному рабочему делу: в борьбе с всепоглощающим капиталом вынуждена она опираться на рабочие плечи, искать союза с пролетариатом. Но неминуемо разорвется этот союз, лишь только потянется пролетариат к власти, попытается совершить революцию «для себя», задумает толкнуть революцию за пределы буржуазных производственных отношений. Бок о бок с мелкобуржуазными революционерами, с якобинцами, пролетариат дела своего до конца не доведет. Это видит Маркс — поэтому и защищает он дело рабочего класса от якобинского влияния.

В великий кризис 1870—71 г.г. последыши «Горы» приняли не малое участие в пролетарском деле: Маркс в «Гражданской войне» называет якобинцев «неизбежным злом» Коммуны, а в своей переписке не раз высказывается о вреде для Коммуны «других», нерабочих, «влиятельных».

Делеклюз и Пиа — верные сыны «Горы» 1848—51 года, плоть от плоти ее. Не для того ведут борьбу эти будущие коммунары-якобинцы, «чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм»¹. О перестройке общества демократическим путем думают коммунары-якобинцы, но только о «перестройке, остающейся в рамках существования мелкой буржуазии».

В годы Империи окончательно складывается идеология нового якобинизма, представителями которого являлись будущие вожди Коммуны. После 13 июня 1849 г. и 2 декабря 1851 г. республиканцы всех оттенков и категорий принуждены вне Франции, в ссылке, в изгнании, исповедывать свои убеждения и готовить революцию. Объединены они общей ненавистью к

¹ „18 брюмера Луи-Бонапарта“, изд. ИМЭ, стр. 36.

захватчику-узурпатору, с'умевшему, опираясь на темных крестьян, потомков вандейцев, навязать свою волю Франции. Около Ледрю-Роллена, около Пиа в Лондоне группируется основная масса монтаньяров. В годы Империи они не перевооружаются: тот же республиканизм, тот же демократизм, та же наивная вера в силу слова и в его конечное торжество над трубой физической силой. Союз с социалистами против Луи-Наполеона не сделал из мелкобуржуазной партии рабочую: вся «Гора» в целом, в пафосе революционных речей, носящем часто следы социалистической фразеологии эпохи второй республики, продолжает укрывать свою собственническую сущность — мелкий буржуа, провозглашающий в изгнании тосты «в честь пули», готовый на все, чтобы снова возродить республику, не может и не хочет стать коммунистом: никто из республиканцев не высказывает социалистических убеждений, наоборот, все они против социализма. Особенно четки в этом отношении мысли старика Делеклюза. И если «аристократ народа» — Феликс Пиа — не прочь иногда пококетничать полукоммунистической фразой и использовать связи Интернационала для дела мелкой буржуазии, то Делеклюз — будущий военный делегат Коммуны — твердо и до конца охраняет старые производственные отношения:

«Франция, я вижу тебя идущей нетвердыми шагами по ложному пути... Сегодня ты катишься в нечистые волны всепоглощающего материализма», — восклицает он в своей газете незадолго до Коммуны¹. «Знаете ли вы, — обращался он к консерваторам, стремящимся уничтожить свободу слова и печати, — что вы делаете, запрещая в одно и то же время обсуждение правды и лжи? Вы тем самым придаете наименее заслуживающим поддержки ересям то значение, которого они не имели бы и 24 часов, если бы сохранена была возможность независимой критики»². Только во всеобщем избирательном праве, по его мнению, спасение: «*in hoc signo vincet*»³. Ранк, виднейший сотрудник «*Réveil*», так характеризует революционеров типа Делеклюза: «непоколебимые, верные своим политическим убеждениям, готовые следовать до конца за пролетариатом в его законных требованиях... вот каковы наши новые люди»⁴.

Программа и тактика нового якобинизма в последние годы Империи находят свое яркое выражение в речах и статьях Феликса Пиа во время дополнительных выборов 1869 г. в Париже. Пиа, призывавший в эмиграции к террору и самым крайним мерам, оказывается очень и очень умеренным и скромным практическим политическим деятелем. В руках парижан ключ спасения Франции и целого мира, говорит он: надо избрать действительных представителей народа — «наиболее популярных и энергичных», снабдить их императивным мандатом: «восстановление суверенитета народа». Эти представители должны будут явиться в Бурбонский дворец, в законодательный корпус, «одни или в сопровождении народа». Из этих двух способно «из'яв-

¹ Tchérnoff: „Le parti républicain au coup d'état et sous le second Empire“, 1906. p. 511.

² Réveil. 30/1—1869. cit. Fiaux: „Histoire de la guerre civile“, 1879, p. 384.

³ Вейль Ж. „Ист. респ. партии во Франции“, изд. Скирмунта, стр. 421.

⁴) Réveil 2/VII—1868 № 1.

ления народной воли Пиа за первый: «refusons l'emeute!» — «Откажемся от восстания», — восклицает он: «отказ в нервах войны — деньгах» достаточно, «отказ Гемдена и других пуритан платить налоги сбил корону с головы Карла II»¹.

«Суверенитет народа», говорит Пиа, — «единственное завершение здания, основанного на принципах права, на принципах 89-го года: Свободе, Равенстве и Братстве»². Дело революции XVIII еще не доведено до конца: «всюду препятствия для развития, помехи для инициативы... Все запрещено... а остальное дозволено». Всякая деятельность запрещена вследствие частной или государственной монополии, или ограничена необходимостью иметь диплом, патент и т. п.: «Чтобы быть хозяином — нужно разрешение! Работником? — нужна рабочая книжка! Разносчиком — виза!.. Трактирщиком? — лицензия!.. Торговец? — патент!.. Профессором? — диплом!.. Адвокатом, нотариусом и т. д.? — залог!»³.

Пиа зовет народ к примирению с буржуазией: «мне самому — сыну буржуазии», говорит он, «причиняет глубокое горе чувствовать себя живущим на стволе, который сам себя убьет, если не начнет снова расти вместе с вами, чтобы жить вашей жизнью, вашим делом, вашим правом»⁴.

В годы Империи быстро внедряющийся во Францию промышленный капитализм прозил мелкой буржуазии гибелью и разорением. Мыслители ее, создатели ее идеологии, критикуя капиталистическую систему производства, видели выход в уничтожении крупного капитала и его власти. Наиболее последовательные из них, представлявшие низшие слои разоряемых капитализмом мелких производителей, стремились или к уничтожению государства, создателя и покровителя крупного капитала, или к уничтожению капиталистической конкуренции — организации дарового кредита, производительных ассоциаций и т. п.

Якобинцы — не эти последовательные мыслители мелкой буржуазии. У социалистов берут они и «право на полный продукт труда» и «организацию дарового кредита» и свою фразеологию тогда, когда им приходится высказываться по социальному вопросу. Но вместе с тем их экономическая теория по существу эклектична: отдельные, выхваченные у социалистов понятия, переплетаются в ней с бодрым либерализмом классической школы, — с борьбой интересов и с фритредом; Л. Блан и Прудон мирно сожительствоуют в ней рядом с Бастиа и Сзем. Не разоренных и лишающихся средств производства ремесленников представляют новые якобинцы: их голосом заявляет о своих интересах мелкий капиталистик, страдающий не только от крупного капитала, но и от существующих еще помех для его капиталистического развития. Мелкие хозяева — *maîtres et patrons* — от их имени говорят прежде всего вожжи нового якобинизма!⁵.

¹ Pyat, *Les inassermetés*, 1869. P. 21—22.

² *Ibid*, p. 24.

³ *Ibid*, p. 26—27.

⁴ *Ibid*, p. 38.

⁵ Специфическая организация парижской индустрии общеизвестна: по переписи 1866 года на 462.000 рабочих приходилось не менее 101.000 хозяев-предприни-

В программе и тактике этого авангарда верхних слоев мелкой буржуазии, как в зеркале, отражались переживания этих слоев в эпоху Второй Империи, отражалась не только борьба этих слоев мелкой буржуазии против крупного капитала, но и настороженность их по отношению к рабочему классу и его делу.

В последние годы Империи заметно потускнели и поблекли революционные лозунги «Горы» 1849 г., а вместе с тем намечалось и отталкивание революционной демократии от рабочего класса и социализма: рост рабочего самосознания гнал мелкую буржуазию, в ее высших слоях, обратно в лагерь укрепляющих собственность, гнал против ее разрушителей. Выступления Пиа, Делеклюза и других якобинцев в 1869 и 1870 г.г. это доказывают: первый из них, прикрываясь для вида революционной фразой, выступает против восстания, предлагая взамен его тактику Гемдена и избирательную урну; второй в последние годы Империи, особенно после дела Бодена, сближается с Гамбеттой и даже приветствует в 1869 году его избрание депутатом¹. В Réveil Делеклюз называет «усыпителями» тех социалистов и коммунистов, которые сеют «страх в «буржуазных рядах»², отвращая тем самым буржуазию от дела республики, а во время майского плебисцита 1870 года закрывает двери своей редакции для социалистов — членов Интернационала, стремящихся попасть на организуемое там оппозиционной прессой собрание. Даже Делеклюз не считал возможным принять их сотрудничество, боясь придать слишком революционный характер предполагаемой манифестации³. На этом собрании, между прочим, присутствовали оба вождя демократии — и Гамбетта и Ледрю-Роллен.

Крайние якобинцы 1870 года мало чем отличались от некрайних, и между Гамбеттой и Рошфором, с одной стороны, и Делеклюзом и Пиа — с другой, почти уже не было разницы: и эти последние, подобно первым, только и мечтали о той же самой «лояльной демократии» и собственно не могли приписать к политической программе Гамбетты (известной, так называемой Бельвилльской программе) ни одного лишнего пункта.

Будущие якобинцы Коммуны также могли бы смело подписаться и под социальной программой Гамбетты, требовавшей «экономических реформ, подчиненных, правда, политическим», и настаивавшей только «на изучении

мателей,—«на целые две трети столичная индустрия состояла из карликовых предприятий», пишет проф. Лукин («П. К.», изд. 2-е, стр. 21). Общеизвестен также факт исключительного значения производства так называемых *articles de Paris*, почти целиком находившегося в 60-х годах в руках мелких хозяев. Уже в 1848 году «палата нашла, что парижская индустрия насчитывала 64.816 предпринимателей, что мелкая промышленность господствовала (особенно в IV, VIII и XII округах)... Это в VI округе, центре *articles de Paris*, число предпринимателей и рабочих, а также сумма оборота была в 1847 году наибольшими» (Levasseur, „Hist. des classes ouvrières“, 1904, II, p. 211).

Необходимо отметить, что при старом административном делении VI округ почти целиком входил в X современного Коммуне деления. Виднейшие якобинцы Ф. Пиа и Гамбон были посланы в Коммуну именно от этого округа

¹ Tchérnoff, о. с., p. 542.

² Tchérnoff, о. с., p. 509.

³ Ibid., p. 588.

социального вопроса во имя принципа справедливости и социального равенства»¹.

II

Новый якобинизм, таким образом, был робким политическим учением, не затрагивающим сущности капиталистического способа производства и стремящимся сохранить в целостности и неприкосновенности весь старый мир. Любовь к свободе экономической деятельности и преклонение перед частной инициативой заслоняют отдельные черты прудонизма или черты учения Луи Блана, имевшиеся в их революционной программе. Мелкобуржуазный социализм является для них только способом выразиться, бессознательным агитационным приемом, собирающим вокруг их знамен не одних только мелких хозяйчиков, страдающих от мощного развития капиталистического способа производства, но и подлинных трудящихся, подлинных бедняков, действительно выбрасываемых на улицу, в качестве «свободных, как птицы, пролетариев».

События 4-го сентября не могли быть неожиданными для крайней левой французского республиканизма: дополнительные выборы осени 1869 года, дело Нуара — говорили о нарастании в стране революционных настроений, говорили о полевении народных масс. Мощное развитие среди рабочих идей Интернационала, попытки самостоятельной классовой политики рабочего класса, создавали для буржуазии новую заботу и новый страх. Единство республиканской оппозиции делалось невозможным в связи с этим новым и все растущим фактором, в связи с появлением новой и мощной движущей силы революции, снова подымающей голову после июньского поражения и не желающей больше идти в хвосте у буржуазно-революционного движения.

Надвигающаяся буржуазная революция неминуемо должна была привести к власти республиканскую партию. Устранение последних остатков старого режима, намеченное классически-буржуазной программой Гамбетты, должно было ускорить и усилить расхождение самой республиканской партии, с одной стороны, а с другой — привести к окончательному размежеванию между социалистическими и несоциалистическими элементами страны: реформы Гамбетты, уничтожающие препятствия на пути промышленного капитализма, должны были привести, конечно, не к уменьшению, а к обострению классовых противоречий, способствовать быстрому изживанию мелкобуржуазных иллюзий пролетариата.

Дальнейшее развитие промышленного капитализма должно было двинуть вперед и расхождение внутри самой мелкой буржуазии: совершенно неизбежным оказывалось, таким образом, дальнейшее движение влево пролетарируемых ремесленных масс, идеологический путь которых шел от прудонизма к коллективизму, а затем и дальше к синдикализму или марксизму. Значительно загадочнее должна была быть судьба более зажиточных слоев мелкой буржуазии, всех этих мелких лавочников, трактирщиков, хозяев ремесленных мастерских, занимающих малое, незначительное количество наемных рабочих рук.

¹ Tchernoff, o. c., p. 542.

Конечная судьба мелкого предприятия не составляет загадки: «правильность теории Маркса не зависит ни от большей или меньшей вероятности катастроф, ни от большей или меньшей быстроты развития, а только от направления этого последнего», говорит Каутский¹. Борьба крупного и мелкого предприятия необходимо окончится победой первого над вторым, но победа эта в различных отраслях производства и торговли может и быть и не единовременной»: для одних мелких предприятий роковой конец проходит сразу, для других этот конец отодвигается в будущее; возможна, наконец, и временная задержка этого процесса в силу каких-либо внешних, благоприятствующих мелкому капиталу, обстоятельств. Нельзя забывать, что еще в 1902 году в Париже имелось целых 36.649 промышленных предприятий, в которых занято было только 402.303 человека, и что, следовательно, несмотря на появление отдельных гигантских предприятий, сохранялось очень большое число мелких хозяйчиков. Специфический характер парижской индустрии благоприятствовал сохранению действительной или призрачной самостоятельности хозяина мелкого торгово-промышленного предприятия Парижа.

В борьбе между трудом и капиталом этот мелкий хозяин не может сохранять нейтралитет: целый ряд факторов гонит его в объятия капитализма и создает из него консервативную охранительную силу старого общества. Усиление зависимости от крупных капиталистических предприятий — важнейший из них. Рост рабочего движения, борьба организованных рабочих против бытовых условий труда и приемов эксплуатации в мелкой мастерской, стремящейся увековечить докапиталистические, патриархальные отношения, вмешательство синдикатов в эту борьбу, — все это еще более усиливает охранительные, собственнические тенденции мелкой торговой и промышленной буржуазии.

Изложенное делало, на наш взгляд, неизбежным поправление крайних слоев республиканской демократии после переворота, линяние революционных фраз и лозунгов, по мере развития революционного рабочего движения, и превращение основного ядра мелких хозяйчиков Парижа и Франции в верных сторонников и охранителей 3-й республики.

И если после 4 сентября не наблюдалось сразу этого резкого поправления, если, наоборот, действительность толкнула эту мелкую буржуазию и ее партию не в руки Гамбетты и Фавра, что, к слову сказать, случилось после 1871 года, а в сторону социализма парижского рабочего класса, то это случилось лишь в силу тех особых специфических общественных условий, в которые была поставлена Франция и, прежде всего, сам Париж после переворота 4 сентября, уничтожившего Вторую Империю. Осада и связанная с этой осадой и немецким нашествием политика крупной буржуазии дали толчок запоздалому полевению мелкой буржуазии, создавали неожиданный и случайный блок между якобинизмом и социализмом, между мелкими хозяйчиками Парижа и его рабочим классом.

Эти соображения, как нам кажется, намечают пути дальнейшего исследования: необходимо проследить нарастание этого союза якобинизма и соци-

¹ Каутский. «Антибернштейн». ГИЗ 1922, стр. 55.

ализма и отметить все те явления, которые этот союз укрепляли и усиливали.

Эволюция якобинизма вправо, уже отмеченная нами и в речах Феликса Пиа и в поддержке Делеклюзом Гамбетты на выборах 1869 года и нашедшая свое выражение в конфликте Интернационала с Революционной Лондонской Коммуной, вызванная, без сомнения, ростом рабочего движения и ростом социализма в последние годы империи, была резко остановлена, а размежевание между собственническими и несобственническими элементами Парижа и Франции прекращено дальнейшим ходом исторических событий. Политика правительства Национальной Обороны, направленная на скорейшее прекращение войны любой ценой, была единственно правильной политикой буржуазии, имевшей у себя в тылу вооружающийся пролетариат. Но эта политика фатально расходилась не только с интересами пролетариата, но и с интересами тех слоев мелкой буржуазии, которые тяготели к собственникам, а не к лишенным собственности, и имели источником своего существования прибавочную стоимость или торговую прибыль мелких предпринимателей.

С первых же дней осады начинается этот взрыв революционности всей мелкой буржуазии в ее целом, который и создает возможность союза между всеми прослойками мелкой буржуазии и пролетариатом.

Осада создавала для трудящихся грандиозную и расширяющуюся безработицу, вела к кризису промышленности и торговли. Бабота на оборону, если даже не принимать во внимание саботаж правительства, не могла занять и одной десятой доли трудящихся—промышленное население Парижа изготовляло, главным образом, «пустяки»—*des petits rien*, как говорят французы, обслуживала свою и приезжую буржуазию. Война создавала локаут. Но это прекращение дел выбивало почву не только из-под ног пролетариев, оно било по карману и мелкого хозяина промышленного заведения и мелко-го розничного торговца. Парализовано было производство, тот же паралич схватил за горло парижскую торговлю. «Чрево Парижа» перестало потреблять, а тем самым уничтожился и источник существования тысяч и тысяч посредников этого потребления—владельцев бесчисленных «бистро», мелких лавчонок, лотков на центральном и местных рынках. И если крупный предприниматель мог еще на накопленный им капитал, при удаче, спекулировать на несчастьях родного города, то для микроскопического торгового или промышленного предпринимателя дни осады становились днями нужды и разорения: дороговизна помещений и высота ростовщического % при кредите не благоприятствовали делу накопления в эпоху Империи и заставляли многих предпринимателей в конкурентной борьбе проедать то немногое, что могли быть ими накоплено или сбережено. Теперь невиданный кризис, граничащий с уничтожением всякого товарооборота, грозил панелью и заставлял проедать не только обручальные кольца, но и рабочие инструменты.

С известным опозданием приходили эти мелкие собственники к тем же выводам, что и пролетариат, начинали искать спасения в тех же «лекарствах». Чем больше тяжесть осады, тем больше предпосылок для сближения. Отказаться же от республики, встать на пораженческую точку зрения

крупных собственников, мешали этим слоям мелкой буржуазии и патристические традиции, чрезвычайно сильные в массах, и боязнь потерять революционные завоевания (Вильгельм—герцог Брауншвейгский!), и, наконец, отсутствие страха перед вооруженным пролетариатом — главного стимула буржуазного пораженчества: оружие Бельвиля ведь не было направлено, как тогда казалось, против мелкой собственности и не грозило ликвидацией необходимого мелкому собственнику, как воздух, товарного оборота вообще.

Так, с первых же дней осады налаживается снова давший уже трещину блок. С каждым днем осады, с каждым новым предательством со стороны Правительства Национальной Обороны он укрепляется.

Два узла с самых первых дней власти Правительства Национальной Обороны и осады начинают стягивать и объединять интересы мелкой буржуазии и пролетариата: прежде всего таким узлом являлся вопрос о налаживании питания осажденной столицы, вторым — оборона Парижа. И оба эти вопроса заставляли широкие круги населения Парижа возвращаться к опыту первой республики, искать в фактах и легендах недавнего прошлого Великой Революции лекарства — средства для горестей и бед настоящего.

Разрешение продовольственного вопроса напрашивалось как бы само собой. Исторические прецеденты не говорили — кричали о необходимых мерах для обеспечения осажденной столицы нужными продовольственными запасами: примеры голодного Парижа или осажденных Тулона и Майнца эпохи первой революции, даже более ранние примеры героической осады Ланонской Коммуны, Ля-Рошели (1627) или более поздний пример осады Сарагоссы (1809) — все эти исторические примеры взывали об учете, о реквизициях, о распределении и карточной системе. Правящая буржуазия 1870 г., мечтающая о быстром окончании войны и боящаяся опасных опытов с уничтожением свободы торговли, повторяла политику Жиронды и всеми силами противилась новому максимуму. Необходимость же решительных мер с каждым новым днем осады делалась ясной не только пролетариату, но и мелкой буржуазии, и, как тогда в тяжелый 1793 год, «мелкая городская буржуазия, составлявшая ядро этой партии (т.-е. якобинцев) и занимавшая в ней руководящее положение, решила, в виду исключительных обстоятельств, на эту меру»¹, т.-е. на таксу, на максимум, равносильные, в условиях осады или голода, принудительной продаже запасов по твердой цене и учету. И как тогда, летом 1793 года, так и теперь новые якобинцы надеялись, что учет, таксация, введение рационов и т. п. «разрушат только оптовую торговлю, но... не повредят мелким лавочникам, которые довольствовались умеренными барышами»². Ведь в условиях голода и бестоварья уже одни посреднические операции, уже одно прохождение хлеба по этапам—реквизированный склад богатого лабазника — пекарня и булочная, распределяющая хлеб по твердым ценам—получающий рацион потребитель,—могло сделать сытым мелкого хозяина — пекаря или булочника со всей его семьей. К тому же и новый и старый якобинизм опирались на свободное ремесленничество, такое же голодное и холодное в эти дни, как и пролетариат.

¹ Лукин. «Нов. ист. Зап. Европы», 1923, стр. 185.

² Ibidem, l. c.

С первых же дней осады пресса якобинцев — орган Делеклюза «Réveil» и начавший выходить «Combat» Феликса Пиа — поддерживает требования пролетариата и требует прежде всего учета и рацийонов.

Первый же № «Combat» поддерживает известное воззвание образованного «Центрального Комитета 20-ти округов», тем самым закрепляя союз мелкой буржуазии и пролетариата. Воззвание, в разделе 2, требует «экспроприации для пользы общественного дела всех продуктов питания или первой необходимости, в настоящее время находящихся в магазинах Парижа у оптовых и розничных торговцев, гарантируя этим последним оплату этих продуктов после войны»... и распределения экспроприированного по карточкам. Воззвание, кроме того, требует «закрепления за каждым гражданином и его семьей необходимых им помещений»¹.

Уже в этом первом номере «Combat» помещены и практические советы сотрудника Делималя об учете скота и об организации соления мяса.

В дальнейших номерах требования таксы делаются все настойчивее, все упорнее; газета отмечает случаи вздувания цен и спекуляции, поднимает кампанию против спекулянтов-скупщиков — «ассарагеуэ» совсем в духе и стиле 1793 года.

Характерна в этом отношении статья Дюшена, тогда еще сотрудничавшего в газете Пиа: «Таксация». Дюшен приветствует только что введенную таксу на мясо и требует таксы на хлеб: «нам понадобилось», говорит он, «пройти через те же испытания, что и нашим отцам, чтобы иметь возможность справедливо судить о тех революционных мерах, к которым они принуждены были прибегнуть и которые реакция в продолжении 60 лет не переставала искажать и поносить»... И он протестует против свободы торговли в осажденном городе: «свобода торговли — привилегия воровства, слышите ли вы, недостойные спекулянты, барышники, наживающиеся на несчастьях редины!.. Нынешнее вздувание цен есть следствие не событий, а паразитизма скупщика; от него ничего не достается труду: это наименее почтенная вещь в мире»².

В №, вышедшем 27 сентября, разоблачаются газетой мясники богатых кварталов, вздувающие цены³, а в другом номере имеются настойчивые предложения распространить таксацию и дальше на все предметы первой необходимости⁴. 1 октября указывается, что таксы ведут к исчезновению товаров и что поэтому перед правительством один путь: реквизиция и карточная система⁵. 9 октября газета требует реквизиции молока для грудных детей⁶. Характерна статья самого Пиа в номере от 24 октября о введении рацийонов в народных столовых: Пиа спрашивает, находятся ли на рацияонах Трошо и его генералы, епископы и капиталисты. Пиа едко высмеивает богатых, требует «равенства вина», подобно тому, как на укреплениях Парижа установлено «равенство крови»⁷.

В ноябре тон газеты делается еще более резким: мелкая буржуазия начинает терпеть уже настоящий голод, и отсутствие налаженного питания

¹ «Combat», № 1, 16/IX—1870.

² «Combat», № 9, 24/IX—1870.

^{3, 4, 5, 6, 7} №№ 12, 10, 16, 24, 39 «Combat».

начинает становиться вопросом жизни и смерти для нее. 28 октября в газете помещены первые сведения о крысином мясе и его вкусе, а 1 ноября сведения о том, что приступлено к продаже мяса буйволов из зоологического сада; 8 ноября помещено объявление о продаже мяса кошек и собак¹.

Газета приветствует нормирование продуктов по инициативе отдельных округов Парижа, помещает по этому поводу хвалебную статью по адресу 8-го округа Парижа, проявившего первым эту инициативу.

18 декабря газета дает мотивированный и тщательно разработанный план карточной системы, а 30 того же месяца указывает, что нужно было с начала осады не только уравнивать население в питании, но и уравнивать его в отношении к труду — каждый должен работать и помогать делу обороны².

В январе, в последних номерах газеты, когда положение делается уже отчаянным, «Combat» громовым голосом требует решительных мер: разве можно говорить о правах собственности на корабле, застигнутом в море? спрашивает сотрудник газеты Марэ³, а Феликс Пиа по поводу запоздалого решения выдавать хлеб по карточкам доходит даже до требования классового пайка: «банкир, который может заплатить за фазана 100 франков, имеет меньшую нужду в 300 гр., чем рабочий, который не может заплатить за кочан капусты 100 су»⁴.

Нечего и говорить, что и Делеклюз в «Réveil» всеми силами поддерживает требования всего трудящегося Парижа: 15 сентября он обращается к правительству со следующими словами: «хорошо было возратить нам Марсельезу, но было бы еще лучше выполнять ее патриотические уроки»... 4 января, в заседании окружных мэров Парижа, Делеклюз требует «принятия всех мер общественного спасения, как для гарантии питания Парижа, так и для смягчения ужасных страданий, принесенных населению осадой и достойной сожаления беззаботностью власти»⁵.

Таким образом, совершенно бесспорно, что голод и холод, проникавшие в долгие дни осады не только на чердаки пролетариата, но и в квартиры и комнаты мелкой буржуазии, заставили прессу этой мелкой буржуазии принять живейшее участие в борьбе пролетариата за учет и за введение карточной системы. Это участие, конечно, связало якобинцев с представителями рабочего класса, создало новый мост между якобинизмом и социализмом.

Чем отличается постановка продовольственного вопроса в якобинской прессе от решения его в прессе социалистической, рабочей?

Бланкисты из «Patrie en danger» предлагают фактически те же меры, тот же учет; сам Бланки в своем «последнем слове»⁶ говорит об якобинском «Combat», что он «сохранил правильную линию» в продовольственном вопросе. Разница заключается только в том, что бланкисты видят в этом учете не

¹ №№ 43, 47 и 54 «Combat».

² №№ 94 и 107 «Combat».

³ «Combat», № 108.

⁴ Ibidem, «300 gr.».

⁵ Prolés, «Charles Delescluze». 1898, p. 69.

⁶ «Un dernier mot» par Blanqui—листочка.

только временную, но и постоянную меру; разница в том, что они не перестают говорить о страданиях пролетариата и бедноты в о-о б щ е, а не только в эти случайные дни осады Парижа: уже в сентябре бланкистский оратор в клубе говорит, что «основа всех бед — социальный строй» и «что следовало бы воспользоваться настоящим бедствием для того, чтобы бросить призыв к общественному труду», уничтожить «индивидуализм»¹. В дальнейших номерах газеты, вплоть до последнего № 89, так или иначе затрагивается социальный вопрос и говорится о том, что бланкисты «хотят какой угодно ценой социальной революции, а в настоящий момент войны до конца, освобождения родины»².

Якобинская пресса, наоборот, не устает говорить о временности этого учета, о военной необходимости, о чрезвычайных экстраординарных мерах, о том, что по миновании беды все войдет в свою обычную колею, в обычные отношения свободного товарного оборота. Разрешение социального вопроса мыслится якобинцами совсем не в социалистическом духе, и на «военный коммунизм» они идут только вследствие горькой необходимости. Именно в такой постановке продовольственного вопроса, да еще в любовном и бережном отношении к интересам мелкого торговца и сказывается мелкобуржуазность якобинской прессы, ее «лавочное» происхождение.

Уже в цитированной нами статье Дюшена о таксах в одном из первых №№ «Combat»³ автор, грозя спекулянтам — «les juifs ignobles» — судом народа, спешит оградить интересы мелкой торговли: «не надо прежде всего злобы против маленького лавочника, ничтожного лавочника, который платит вздутые цены оптовому поставщику. Между производителем, розничником и потребителем, всеми тремя ограбленными, встает спекулянт-паразит, скупщик, вздуватель цен. Этого последнего надо открыть и отнять от него огромные прибыли, направляя их в казну Национальной Обороны. Имя его следует узнать у лавочника».

В № «Combat» от 1 ноября, давая заметку о предполагаемых обысках мелких лавочников центрального рынка⁴, недоуменно спрашивается о том, когда же правительство примется за уничтожение крупных укрывателей продуктов. В этом же номере редакция отмечает патриотизм мелких лавочников центрального рынка и приводит отчет о патриотическом сборе среди них — собрали около 3 тыс. фр. Несколькими номерами раньше, сообщая о пожертвовании торговками рынка — les dames des Halles — денег на раненых, Пиа говорит, «уже не в первый раз дамы рынка доказывают свой патриотизм и свою гуманность. Занятые тяжелым трудом, дающим им только минимальные доходы, они тем не менее умеют ограничиваться в своих потребностях, когда к этому их зовет сердце и когда этого требует долг»⁵. Газета благодарит их от имени родины. Газета ни в коем случае не предпо-

¹ «Patrie en danger», № 7, 14/XI—1870.

² «Patrie en danger», № 60, 9/XI—1870, ст. Regnard: «Существует ли партия Бланки?».

³ «Combat», № 9. 24/IX—1870.

⁴ «Combat», № 47. 1/XI—1870.

⁵ «Combat», № 43. 28/X—1870.

лагает уничтожения товарного оборота и свободы торговли в будущем. Вопрос о будущем общественном строе вообще не ставится газетой, однако неоднократно делаются ею указания на то, что карточная система не вечна: в этом отношении характерен план «Республиканского Союза» старых представителей народа в 1848 — 49 г.г., организации чрезвычайно близкой якобинцам и их газетам. Этот план, в котором осажденный город сравнивается с кораблем во время непогоды, предусматривает не только полное уничтожение свободы торговли на время осады и экспроприацию всех необходимых для питания населения продуктов, но и таксацию всех прочих (т.-е. делит все продукты на нормированные и ненормированные, но таксированные), а также взятие на учет всей рабочей силы. Одна из последних статей этого плана гласит: «режим, основания которого приведены в настоящем декрете, останется в силе для каждой отрасли торговли до тех пор, пока не пройдет достаточного времени после открытия сообщений и не восстановится нормальное функционирование свободы торговли, а цены не придут в нормальное состояние»¹.

Республиканский Союз вводит эту статью именно с целью успокоить встревоженных мелких буржуа, которые систематически запугивались желтой прессой. «Combat» в другом месте также говорит об этом: «Предлагая rationны и реквизицию, мы совершенно не думаем, и это само собой разумеется, выставлять эти меры в качестве определенных экономических проблем, так как они дают разрешение только специальной проблеме»². Сам Пиа, говоря о необходимости rationнов, не допускает мысли о сохранении принудительной системы и после войны: вводя ration, говорит он, после войны «nous y aurons du moins gagné une morale de communnauté». Остается только мораль!»³ Дени, полемизируя с Молинали, сторонником *laissez faire* во время осады, также спешит уверить буржуазную прессу, что «Combat» требует вмешательства власти и «регулирования потребления вовсе не из любви к регулировке» — необходимость заставляет прибегнуть к этому!»⁴.

Мы могли бы привести десятки свидетельств бережного отношения якобинской прессы к интересам мелких производителей и торговцев, но это излишне. Остановимся только на следующем маленьком происшествии, характерном, как нам кажется, для якобинцев: в конце декабря голодные бедняки одного из районов Парижа в поисках топлива порубили в общественном месте деревья и растащили заборы частных владений. «Combat» называет этих несчастных «бандами мужчин и женщин»⁵, а Сидней там же помещает об этом происшествии большую статью — «Мародеры», ругает несчастных, не отрицая, правда, того обстоятельства, что первоисточником преступления и бедствия является нераспорядительность правительства Национальной Обороны: «будучи суровыми с теми, которые эксплуатируют труд и нужду... мы

¹ «Combat», № 94. 18/XII—1870.

² Ibid. № 107. 30/XI—1870. Статья Сиднея.

³ Ibid. № 39. 24/X—1870.

⁴ Ibid. № 40. 25/X—1870.

⁵ Ibid. № 105. 28/XII—1870.

имеем право быть суровыми и по отношению к тем, кто... нападает на собственность, общественную или частную, не придавая своим поступкам легальной формы». То, что им было холодно, не оправдание, — «страдающие не имеют права производить грабеж».

Жилищный вопрос также подвергается обсуждению на страницах якобинской прессы: уже 23 сентября помещена в «Combat» статья об оплате жилищ и о возвращении заложенных вещей бедняков из ломбардов¹. В дальнейших же номерах то и дело снова и снова ставятся общие экономические вопросы: 5 октября помещена, например, целая статья Прудона: «Le Terme», написанная на родственную тему еще в 1848 году², 23 октября — проект декрета об отсрочке платежей³, 20 декабря — большая статья «Вопрос о жилищах» старого республиканца Белэ⁴, 6 января — на ту же тему пишет статью сам Пиа и т. д.⁵. Газета говорит о нищенском жаловании национальных гвардейцев, хлопочет об их нелегальных женах. Экономическое положение мелкой парижской буржуазии делается постепенно похожим на нищенское положение пролетариата, и поэтому якобинская пресса в этих вопросах имеет с социалистами один общий язык.

Разницу здесь заметить очень трудно: характерно, однако, то обстоятельство, что в жилищном вопросе якобинская газета никогда не забывает интересов и другой стороны — интересов владельцев помещений, делая здесь обычное свое разграничение на «больших» и «маленьких», крупных и некрупных. На страницах газеты охотно помещаются письма владельцев домов, которые жалуются на возможный ущерб от освобождения от платы населения: «ведь имеется много домохозяев, которые являются ими только по имени», пишет в «Combat» один домовладелец, подписывающийся: «один из ваших наиболее постоянных читателей и почитателей»⁶.

Мы приходим к заключению, что осада города и связанные с ней переживания способствовали сдвигу мелкой буржуазии и якобинцев в сторону пролетариата. Фактически, к январю 1871 года налаживается полный союз между мелкой буржуазией и пролетариатом — основой для него служит одинаковость текущих экономических требований. Классовая политика Национального Собрания еще более укрепляет этот союз низов против правящей буржуазии.

Не следует, однако, упускать из виду того обстоятельства, что пролетарские массы ставят перед собой широкие цели устранения социального неравенства вообще, в то время, как якобинизм решает для мелкой буржуазии только узкую задачу: обеспечивает ей существование в тяжелые для нее времена общественного бедствия.

Уничтожая частную собственность в настоящем, якобинцы стремятся укрепить ее в будущем. Они повторяют робеспьеровский принцип голодного 1793 года: «Все, что необходимо для сохранения жизни, является общественной собственностью. Только излишек составляет индивидуальную собственность».

¹ ² ³ ⁴ ⁵ №№ 11, 20, 38, 96, 114 «Combat».

⁶ Combat № 112. 4/1—1871. См. №№ 111, 113.

Мы переходим теперь ко второй части задачи: в дни осады Парижа, как мы это только что видели, сплачиваются мелкобуржуазные и пролетарские ряды — общие экономические интересы способствуют этому. Параллельно идет и политическое сближение якобинизма и социализма, создаются, следовательно, предпосылки для политического союза против общего врага. Задачи, выдвигаемые необходимостью военной обороны Парижа, и исключительно сильный патриотизм, охвативший не только мелкую буржуазию, но и пролетариат Парижа, способствуют созданию этого союза.

В самом начале войны 1870—71 года позиция, занятая крайней левой республиканизма по отношению к ней, вовсе не совпадала с позицией пролетарских организаций и, прежде всего, Интернационала. Войну ожидали давно — с австро-прусской войны 1866 года вопрос о взаимоотношениях между Францией и крепнущим союзом германских государств стоит в центре внимания всей прессы Франции, как императорской, так и оппозиционной. Еще до победы пруссаков при Садовой, Тьер указывал на грозную опасность для Франции в случае уничтожения трактатов 1815 года и создания мощного германского единого государства. Еще до Садовой подняли кампанию против германского союза (конечно, исходя из других соображений) полусоциалистические, полуякобинские листки левого берега Парижа — те листки, в которых пробовала свои перья оппозиционная молодежь Второй Империи — будущие коммунары (Верморель, Рожар, Дени, Курнэ, Валлес и другие): они указывали на опасность «принципа казачества», воплощенного в Бисмарке, и указывали на то, что «Пруссия собирается занять место России» и т. д.¹. «Начало политики реванша следует относить не к 1870 г., а к 1866 г.», говорит историк Второй Империи Тома².

Для якобинизма, как политического течения, чрезвычайно характерна позиция Делеклюза — ведь не даром же именно он был наиболее ярким и честным его представителем: еще в 1869 году в газете его «Réveil»³ помещена была его статья, в которой он «критиковал с жаром иллюзии рабочих-республиканцев, веривших в миролюбивые обещания немецких рабочих; он рассматривал немецких социалистов, как обманутых Бисмарком или как его агентов»⁴. Именно он, Делеклюз, воспротивился попыткам слабого тогда Интернационала наладить союз трудящихся обеих враждующих стран: «Попытки враждебных войне манифестаций встретили в Делеклюзе яростного критика», говорит Tchérnoff⁵. Позиция Пиа в момент объявления войны была достаточно неопределенной — к делу Интернационала он, конечно, не имел никакого отношения: он и его друзья оправдывали свое оборончество тем, что на Францию первыми напали немцы! Рабочие-интернационалисты не были поддержаны крайней левой республиканской партии.

¹ Тома А. «История Второй Империи». 1908. Стр. 258-259.

² Тома, о. с. Стр. 261.

³ «Réveil.» 28/IX—1869.

⁴ Tchérnoff, о. с., р. 511.

⁵ Ibid, p. 597.

Первые же поражения Империи дают повод якобинцам к выступлению против Империи, неспособной организовать отпор врагу. «Réveil» и якобинцы используют создавшееся положение для революционной пропаганды: «Час мужественных решений настал. Подумаем о спасении родины. Энергичные меры не будут преждевременными. Первая из них — объявление Парижа в состоянии обороны, немедленная реорганизация национальной гвардии. События идут с невероятной быстротой! Каждый час опоздания увеличивает опасность! Оружие всем гражданам! К оружию!»¹.

Газета начинает вспоминать о доблестной обороне страны Конвентом, начинает не к месту, с точки зрения Империи, напоминать об уроках прошлого — «Réveil» закрыт поэтому полицией 10 августа за воззвание «К парижанам», в котором имеются указания на то, что «Париж уже однажды спас Францию в 1792 году», и что «ему следует спасти ее еще раз», что «он ее спасет, мы в этом твердо уверены». Воззвание заканчивается дантоновским призывом — смелость, смелость и еще раз смелость!².

Таким образом, уже до 4 сентября начинают совпадать на практике тактика якобинизма и тактика тех бланкистских групп, которые задумали дело Ля-Виллет, и тех интернационалистов, которые в начале августа образовали свой «Комитет Действия».

Попытки уничтожить Империю, с целью усилить оборону страны и создать условия для успешного отпора немцам, сближают представителей мелкой буржуазии и пролетариата.

Немецкое наступление и после провозглашения французской республики создало исключительно благоприятные условия для подъема в Париже патриотических настроений. И эти патриотические настроения должны были неминуемо охватить не только одну мелкую буржуазию, но и недостаточно зрелый рабочий класс города: патриотизм мелкой буржуазии черпал свою силу в традициях и воспоминаниях прошлого — попранная ногами врагов Франция 1792 и 1793 годов, Франция 1814 и 1815 годов как бы взывала о защите, требовала от каждого гражданина патриотической активности. Продолжение войны против республики, война освобожденной Франции с королем Вильгельмом будили воспоминания сравнительно недавнего прошлого, заставляли видеть в скромных немецких бюргерах генерала Мольтке — свирепых солдат герцога Брауншвейгского, а в прусских уланах — казаков и калмыков императора Александра.

Мелкобуржуазный патриотизм не мог не захватить и пролетариат: даже интернационалисты «поддались увлечению патриотизмом и составили один хор с буржуа»³, — писал Дюпон, — даже непримиримый старик Бланки дал увлечь себя на короткое, правда, время лозунгу «гражданского мира».

Общие оборонческие иллюзии положили начало союзу. Предательская политика буржуазного правительства с первых же дней республики способствовала укреплению этого союза: мы говорили уже об общем тяжелом хозяйственном положении низов Парижа — оборона осажденного города спла-

¹ «Réveil». 7/VIII—1870.

² Prolés, о. с., p. 55.

³ Лукин. «Парижская Коммуна». 2-е изд. Стр. 97.

чивала теперь эти низы, бросала и мелкую буржуазию и пролетариат на господствующий класс Франции.

Боязнь революционного пролетариата парализовала буржуазию Парижа, делала ее не обороноспособной. Мелкие собственники города не могли разделять с буржуазией ее опасения, так как незрелый, пропитанный мелкобуржуазным социализмом, пролетариат того времени еще не выступал с достаточной силой против всякой собственности вообще. Защита Парижа требовала вооружения всего народа, требовала применения тех старых методов обороны страны, которые дали победу третьему сословию и создали Первую Республику. Этот опыт Конвента 1793 года для буржуазии Парижа был вполне заслонен опытом другой революции — июньские дни 1848 года дали буржуазии Франции другой урок, вытеснили из ее головы героические уроки собственной молодости.

В первом же номере «Combat» газеты Феликса Пиа, вышедшем 16 сентября перед самым открытием осады, помещено воззвание «ЦК двадцати округов», о котором мы уже говорили. Это воззвание, намечая план организации питания, намечало также и ряд мер, необходимых для поднятия обороноспособности города. Среди этих мер — важнейшая: «избрать по кварталам в больших городах чиновников, на которых должна быть возложена задача охраны общественной безопасности»... «установить общественный контроль над всеми мерами, принятыми в целях обороны»... «поддерживать всякую организацию, возникшую по общественной инициативе и имеющую целью способствовать спасению республики». Масса еще доверяет правительству, доверяет ему еще и организация этой массы — «ЦК двадцати округов»; однако в этом возвании — все семена жестокого раздора, жесточайшей классовой борьбы: привлечение широкой общественной инициативы к делу обороны, приемлемое для третьего сословия в целом в 1792 году, совершенно неприемлемо для буржуазии 1870 года.

Печатая это воззвание, «Combat» прибавляет: «рядом с общественной, организованной силой (т.е. рядом с правительством. — С. К.) нам хотелось бы видеть ассоциированную, индивидуальную силу, стремящуюся к той же цели — к национальной обороне». Эта ассоциированная сила — будущая Коммуна. Орган якобинцев всецело разделяет точку зрения всей демократии, нашедшую свое выражение в цитированном только что возвании.

В дальнейших номерах газеты в течение первых двух месяцев осады лозунг этот делается все отчетливее и яснее, в него вкладывается более определенное содержание: якобинская пресса разделяет с социалистической ее лозунг — Коммуну!

«Лозунг Коммуны... приобретает теперь все большую популярность. В массах оживают традиции Великой Революции, которые... держались в бланкистских кругах еще при Империи. Коммуну рисуют себе по образцу революционной коммуны 1792 года»¹).

В требовании «Коммуны», как в фокусе, сходились все течения революционной мысли конца Империи: для прудонистов требование это связано было с мыслью об уничтожении государства, об анархии, о введении в жизнь си-

¹ Лукин, о. с. Стр. 109.

стемы мутуализма; бланкисты и якобинцы, в противоположность прудонизму, вкладывали в этот лозунг совершенно другое содержание — они думали о создании сильного революционного правительства, опирающегося, по примеру великих дней Первой Революции, на Коммуну Парижа, на организацию парижской народной массы.

Но в то время, как мелко-буржуазные якобинцы готовы были считать этим революционным правительством существующее «республиканское» правительство Национальной Обороны и требовали создания Коммуны — муниципалитета для придания этому правительству силы и веса, — пролетариат, в лице бланкистов, звал к эбертизму и с конца сентября всеми своими силами бил по правительству Национальной Обороны: для революционного пролетариата Парижа уже вскоре после начала осады Парижа были отрезаны все пути к «гражданскому миру», т.е. примирению, революционеры же из мелкобуржуазного лагеря до самого конца этой осады пытались найти почву для легального окончания конфликта: якобинцы пришли к безоговорочному лозунгу «вся власть Коммуне» только в дни перемирия, только тогда, когда классовая политика Национального Собрания схватила за горло мелкую буржуазию, нарушила ее жизненные интересы.

В якобинских газетах эпохи осады находим мы доказательства этому.

20 сентября, помещая отчет о собрании в Folies-Bergères, на котором была вынесена резолюция о скорейшем создании в Париже муниципального совета, Пиа поддерживает это требование указанием на практику Великой Революции:

«10 августа поднимаются секции и образуют в ратуше Революционную Коммуну... В тот же день Коммуна заставляет признать свои права Законодательное Собрание. 21 января ни одного пруссака во Франции!»¹.

Газета приветствует намерения правительства провести 28 сентября муниципальные выборы в Париже; будущий законный муниципалитет она отождествляет с Революционной Коммуной 1792 года! 22 сентября сотрудник Вильомэ советует довести число членов этого муниципалитета до 180 (одина на десять тысяч): в старой Коммуне их было 144². За два дня до этого Дюшен помещает большую статью о предстоящих выборах, требует устранения недостатков избирательной процедуры, фальсифицировавших императорские плебисциты и выборы, требует императивного мандата³. «Коммуну Парижа... если Вы ее нам не дадите, мы ее возьмем!»⁴... «Коммуна или осуждение!.. Коммуна — первое и последнее слово нации!.. у «Combat» нет другой цели,

¹ «Combat», № 4. 19/IX—1870.

² Ibid. № 7. 22/IX—1870.

³ «Combat», № 5. 20/IX—1870.

⁴ Ibid. № 11. 26/IX—1870.

кроме Коммуны Парижа!»¹ «Коммуна или смерть!»² провозглашает, наконец, газета в первые дни октября. Однако эти революционные лозунги вовсе не означают требования уничтожения предательского правительства Национальной Обороны—якобинская пресса не устает подчеркивать необходимость одновременного существования двух властей, центральной и местной: Коммуна не призвана уничтожить центральное правительство, она не опрокидывает власть, а улучшает ее³. Якобинцы и не думают выступать с лозунгом: «вся власть Коммуне»: «дело идет не о том, чтобы уничтожить правительство... но о том, чтобы его поддержать... нам нужно сильное, т.-е. республиканское правительство, представительную власть, власть безличную, демократическую»⁴.

Делеклюз «до 31 октября не осуждал и не нападал на правительство Национальной Обороны»⁵... «Делеклюз»,—пишет его биограф—«был, к несчастью, вполне уверен, что события оправдают его грустные предсказания... он употреблял все свои усилия для того, чтобы толкнуть его (т.-е. правительство) на путь спасения, призывая его всеми своими силами к тому, чтобы оно осмелилось по нему пойти...»⁶.

Еще в декабре месяце находим мы в якобинской прессе образчики этой политики подталкивания: «если оно будет идти (речь идет о вылазке генерала Дюкро), мы за ним последуем; если оно начнет отступать, мы его подтолкнем»⁷.

Сравните эту политику с политикой подлинных вождей рабочего класса: «мы имеем перед собой только пруссаков: пруссаков внутренних и пруссаков внешних»,—говорит 11 октября в своей газете Бланки,—«пусть республиканцы измерят пройденный путь и взглянут перед собой на то, куда он ведет: он кончается бойней, и уже готовы убийцы, как в 1848 году!»⁸.

Для пролетариата уже в начале октября не было сомнений в классовой природе правительства Трошю и Фавра.

Позорное поведение вождей якобинизма в дни 31 октября и 22 января, в дни, когда парижские пролетарии сделали попытку совершить репетицию своего Октября, может служить доказательством нашей мысли: всю осаду идут якобинцы в хвосте событий, их подталкивает вперед революционная масса. Не они, революционные якобинцы, дают лозунги движению, а, наоборот, сами они нерешительно и робко поддаются влиянию, идущему с низов от пролетариата Парижа.

Пресса якобинцев вполне подтверждает сказанное:

История 31 октября хорошо известна. Известно также, что орган Пиа «Combat», поместивший сообщение о сдаче Меца Базеном, был вольным

¹ «Combat» № 15. 30/IX—1870.

² Ibid. № 18. 3/X—1870.

³ Ibid. № 15. 30/IX—1870.

⁴ Ibid. 17. 2/X—1870.

⁵ Vapereau, «Dict. univ. des contemporains», supp. 4 éd., p. 62.

⁶ Proles, o. c., p. 58.

⁷ «Combat», № 84, 8/XII—1870.

⁸ Patrie en danger, № 31, 11/X—1870

или невольным застрельщиком движения, толкнул массы Белльвилля на ратушу.

Корни событий следует искать, конечно, не в редакции якобинской газеты, однако, именно «Combat» дал повод, дал толчок. Еще в № 43, в пятницу 28 октября, появилось в левом углу газеты, в черной примечательной рамке, сообщение о сокрытии от народа начала переговоров о сдаче Меца; на следующий день снова появилось сообщение о том, что редакция располагает сведениями совершенно исключительной важности и, наконец, 30 октября после лживого опровержения «Journal Officiel»¹ я появляется разоблачение плана Базена. №№ 46 и 47 от 31 октября и 1 ноября хранят молчание о событиях, больше того, в № 47, вышедшем в день восстания, нет даже и намека на призыв масс к активным действиям, на вызов их на улицу. Якобинцы продолжают держаться легальности и, несмотря на явное предательство правительства, лозунгов уничтожения его не дают. Только бланкистские группы выдвигают в качестве немедленной меры уничтожение правительства Национальной Обороны и создания Комитета Общественного Спасения—создания Коммуны.

Якобинцы только за создание временной Комиссии для организации выборов в Коммуну, они и не думают свергать временное правительство. Доказать последнее не представляет большого труда—стоит только прочесть те номера «Combat» и «Réveil», где сами якобинцы дают оценку 31 октября:

№ 48 Combat от 2 ноября, посвященный подробно изложению событий понедельника, начинается с призыва редакции к населению Парижа «мирно, но решительно» (pacifiquement mais résolument) требовать создания Коммуны. Победа правительства уже совершенно ясна, предстоят аресты, репрессии—газета якобинцев спешит занять наиболее удобную в данный момент позицию: единственной целью мирной демонстрации были просьбы о Коммуне; злая воля «диктаторов» Бланки и Флуранса хотела придать ей другой характер. Якобинцы отмежевываются от них всеми силами.

Пиа отрицает свое участие в попытке:

«Вчера (31-го) около 4 часов дня в ратуше, куда народ принес меня силком для того, чтобы я, во имя его, провозгласил Коммуну, гражданин Флюкэ ответил мне: то, что просит народ—принято... Я сказал народу, что он получил то, что хотел, и что мне остается только ретироваться, приглашая и народ сделать то же».

Пиа должен был остаться в ратуше, так как из зала нельзя было вырваться. На просьбы народа, обращенные к нему, составить список членов Коммуны или нового правительства, он ответил, что на этот раз «он не может поступить согласно желания народа» и «что диктатуры губили Францию», что он «никогда не согласится признать за кем-либо право создавать правительства или Коммуны, навязывать частную волю—воле общества»¹.

Делеклюз поддержал его. Затем они вместе ушли из ратуши, уверенные в том, что Коммуна будет созвана самим правительством.

«Réveil» в тех же, примерно, словах рассказывает о 31-м:

¹ «Combat», № 49. 3/XI—1870. «Plèbescite et Commune».

«Граждане Пиа и Делеклюз один за другим брали слово для того, чтобы сообщить, что назначение правительства par acclamation неправильно, и что они не могут принять такого назначения. Можно, по их мнению, без страха ждать результатов волеизъявления избирателей». Делеклюз спешит отметить, что соглашение врагов—Бланки и его спутников, с одной стороны, и правительства, с другой—о создании временной комиссии было подписано по его инициативе. В № 48 Пиа настаивает на том, что он «предлагал народу мирно выразить свою волю».

Изложенное с достаточной ясностью показывает, что якобинцы и не думали разделять с бланкистами, ведущими за собою массу, ни лозунгов 31 октября, ни ответственности за них.

Сидящий в Консьержери Пиа, отвечая на заметку Молилари, редактора «Débats», спешит отмежеваться от опасного соседства с бланкистами: он, Пиа, «всегда отвергал диктатуру»¹.

Редакция осиротевшей газеты негодует на правительство: «Combat» не вызывал даже манифестации 31 октября... «Пиа против вооруженных демонстраций... отказался в ратуше от диктатуры»².

В ответ на радость буржуазной газеты «Siècle» по поводу «ссоры» между Бланки и Пиа, т.-е. по поводу расхождения между бланкистами и якобинцами, Пиа отмечает, что между ними никогда и не было связи³.

Когда в ночь 31 октября Троцю бежал из под ареста, не кто иной, как Одилон Делималь, член редакционной коллегии «Combat» и правая рука Пиа, допустил стрелков Флоранса до кровопролития—это он прекратил начавшуюся было стрельбу!⁴

Поведение вождей якобинизма нельзя назвать иначе, как предательством, но это предательство находит свое историческое объяснение в факте блестящей победы правительства Национальной Обороны 3 ноября; плебисцит огромным большинством голосов (557 тысяч против 62 тыс.), поданных за Правительство Нац. Обороны, доказал, что опора якобинцев—мелкая буржуазия—еще не готова к выступлению, что блок между нею и пролетариатом еще не закреплён окончательно: «большинство парижского населения предпочитало неспособное правительство революционной Коммуне или считало эту неспособность еще недостаточно выясненной и наивно верило, что голосовать против значит погрузиться в анархию и открыть ворота Бисмарку»⁵.

Вожди только отражали настроение масс—они сами еще «надеялись подтолкнуть» это неспособное правительство.

Для политики якобинцев чрезвычайно характерны надежды на институт выбранных по округам мэров и их помощников. Как известно, правительство Троцю, разрешая муниципальные выборы после 31 октября, искало гро-

¹ «Combat», № 59. 13/XI—1870.

² Ibidem, № 59. 13/XI—1789. См. статью Дени.

³ Ibidem, № 61. 15/XI—1870.

⁴ Ibidem, № 48. 2/XI—1870.

⁵ Лукин, о. с. Стр. 113.

моотвод, думало разрядить атмосферу. Характерно, что именно якобинцы идут на этот обман, на эту уловку, питают какие-то надежды и т. д. и после 31 октября.

Особенную надежду на то, что вновь избранные муниципальные чиновники окажутся истинными представителями народа, якобинцы питают потому, что выборы происходят по округам, а не по общему для всего Парижа списку: Дени в статье «Коммуна и муниципий» сравнивает правительство с Грибуйем, бросающимся от дождя в воду: «надеются, что муниципальные власти, избранные под влиянием тех же обстоятельств, которые предопределили исход плебисцита, будут постоянно в согласии с правительством. Напрасная надежда!»¹— мэры будут зависеть не от правительства, а от воли избирателей.

Ту же наивность проявляет и другой журналист «Combat» — Гупиль, заявляющий по поводу выборов мэров: «Коммуна создана, по крайней мере, вчерне»².— Мэры могут легко ее создать—им стоит только настоять на выборе муниципального совета. На этот совет, по мнению Гупиля, пока границы «будут проходить по стенам города», ляжет много других дел, кроме муниципальных: «в Коммуне», прибавляет он—«мы найдем сильную и законную власть и, если понадобится новое 31 октября, мы будем знать, вокруг кого объединяться. «Ту же мысль высказывает и Сидней, говоря, что «только Коммуна сделает из караван-сарая Империи республиканский город»³. «Combat» объявляет общее собрание мэров и их помощников от 28 декабря зародышем Коммуны⁴, «рождением Коммуны», а через несколько дней, по поводу нового собрания, говорит о том, что «Коммуна не умерла»⁵. Тот же Сидней в другом номере, отвечая на ехидные запросы буржуазных газет, объясняет, какой смысл якобинцы вкладывают в понятие Коммуны: они требуют создания коммуны, сходной с средневековой коммуной Лаона, «сумевшей так хорошо расправиться с феодалами и духовенством»⁶.

Делеклюз, в качестве мэра XIX округа принимающий участие в собрании мэров 28 декабря, вносит предложение о том, чтобы мэры не расходились и образовали бы совет, «так как, по общему мнению, нельзя больше полагаться ни на исключительную инициативу правительства, ни на делегата его при ратуше»⁷, а 4 января требует уже «отставки генералов Трошю, Клеман Тома и Лефло» и «организации высшего совета обороны». Отказ в этих мерах повлек за собой добровольную отставку Делеклюза. Не следует думать, однако, что требования Делеклюза направлены были прямо против правительства Нац. Обороны: Делеклюз и его товарищи говорили только об отставке неспособных генералов. «Чего требовал Делеклюз в двух последних заседаниях муниципальных советников?»—говорит его биограф,—«чтобы мэры и их помощники были

¹ «Combat», № 54. 8/XI—1870.

² «Combat», № 68. 22/XI—1870.

³ Ibidem, № 100. 23/XII—1870.

⁴ Ibidem, 108, 31/XII—1870.

⁵ Ibidem, № 112. 4/I—1871.

⁶ Ibidem, 109. 1/I—1871.

⁷ Proles, о. с., р. 67.

допущены к внесению предложений (курсив Проле), которые привели бы к спасению столицы»¹. Никаких революционных мер Делеклюз в начале января не предлагал.

Однако ухудшение экономического положения мелкой буржуазии и безнадежное положение с обороной столицы делают свое дело: в течение января якобинцы сильно левеют. Это видно хотя бы из сравнения двух резолюций — программ «республиканского союза бывших представителей народа в 1848 году», организации явно якобинской: 22 ноября союз говорит в § 1 программы об единой и неделимой республике, о национальном собрании, о всеобщем избирательном праве, а в § 2 об организации выборной и самостоятельной муниципальной власти². Через 2 месяца в конце января союз считает уже, что «Париж должен... создать политическое собрание, которое возьмет в свои руки разрешение высоких задач»... этот совет — комитет общественного спасения — должен быть выбран по общим спискам и состоять из 50-ти человек; он заменит смещенное правительство национальной обороны. Из самого воззвания следует, что создание комитета общ. спасения есть временная мера, не идущая вразрез с программой, изданной 22 ноября. Сопоставляя это требование «старых бород 48 года» с выпущенным в то же самое время воззванием «Республиканского Альянса», созданного революционерами и социалистами парижских народных клубов, Пиа отмечает почти полное совпадение их требований: Альянс требует, «чтобы в течение 48 часов избиратели Парижа были собраны для избрания суверенного совета из 200 представителей, делегированных по округам пропорционально количеству населения»³... Сам Пиа склоняется к выбору 100 человек. Делеклюз и Курнэ присоединяются к Альянсу. Призыва штурмовать предательское правительство нет в этих воззваниях.

Однако, несмотря на резкое движение мелкобуржуазных масс навстречу пролетариату в январе месяце, мелкобуржуазная природа якобинизма еще раз дает себя чувствовать в день новой попытки захвата власти, после поражения под Бюзенвалем.

К этому времени «лозунги Коммуны готова поддержать... даже буржуазная демократия»⁴. Но на вооруженную поддержку пролетариата она до конца не идет — буржуазные республиканцы надеются попрежнему на мирное разрешение конфликта с правительством.

Поведение якобинцев во время вооруженной демонстрации 22 января дает наглядное доказательство их роковой нерешительности: «Феликс Пиа ждал в фиакре на углу улицы Сен-Мартен исхода событий»⁴. Делеклюз и Курнэ находились в доме напротив ратуши и оттуда наблюдали за перестрелкой («все ждали распоряжений от Бланки...»). Делеклюз, «этот твердый человек... бледный, дрожащий, без силы и голоса, закрыл свое лицо руками,

¹ Proles, о. с. p.

² «Combat», № 68. 22/XI—1870.

³ Ibid. № 128. 20/I—1871.

⁴ Лукин, о. с. стр. 119.

⁵ Lepelletier E. «Hist. de la Commune», II, p. 117

чтобы скрыть от себя ужасное зрелище, похожее на кошмар... Его пришлось увести»¹.

Эту беспомощность лидеров якобинизма не следует относить к их личным качествам—ведь сумел тот же Делеклюз умереть, как герой, на площади Шато-д'О! Беспомощность — следствие неопределенности положения: мелкая буржуазия еще не вполне оторвалась от легальных буржуазных берегов, союз ее с пролетариатом еще не закреплен окончательно. Народные массы сами подмечают, но, конечно, не могут себе объяснить эту якобинскую половинчатость: «эти люди толкают нас вперед, но... сами остаются дома», говорит о Делеклюзе и Л. Роллене народ в клубе. Их называют «болтунами»—«blagueurs»².

Мы видим, следовательно, что в продолжение всех 4 месяцев осады нарастает недовольство мелкой буржуазии. Вместе с нею левеют и якобинизм и его пресса. Союз мелкой буржуазии с пролетариатом растет, но до полного слияния, до борьбы по одну сторону баррикады против буржуазии, до роста он только в дни перемирия: классовая политика Национального Собрания способствует этому.

Обе якобинские газеты были закрыты (вместе с другими оппозиционными газетами) сейчас же после 22 января. Реакция имела возможность торжествовать над еще разобщенными массами. Перемирие и подписание предварительного мирного договора, отдающего Германии Эльзас и Лотарингию, способствуют росту недовольства со стороны широких народных масс Парижа. Деятельность Национального Собрания, нарушающая жизненные интересы парижских мелких предпринимателей, ведет к окончательному установлению контакта между двумя классами, приводит к их совместному выступлению 18 марта.

Якобинская пресса вполне отражает этот процесс.

После 23 января «Réveil» больше не выходит—Делеклюз сидит в Венсенской тюрьме, вместо же «Combat» с 3 февраля начинает выходить новая газета, названная «Vengeur»—«Мстителем». Самое название характерно для якобинизма: «Vengeur»—ставший легендарным корабль первой революции, «умирающий, но не сдающийся», погибший вместе со своим экипажем после морского боя с английским флотом 13 прериаля II года; у Vengeur «тот же экипаж (что и у «Combat»), тот же флаг—флаг Республики»³.

Предстоят выборы в Национальное собрание. Новый якобинский орган все силы свои отдает предвыборной кампании, снимая временно лозунг «Коммуна». Снова и снова выражается надежда, что избирательный бюллетень спасет страну: «просвещенный бедствиями... избиратель лучше поймет свои интересы и положит в урны бюллетень-освободитель»,—воскликает Рожар, виднейший сотрудник газеты⁴.

¹ Prolès, о. с., р. 76. Проле вообще старается «обелить» Делеклюза в глазах буржуазного общества. Однако о нерешительности Делеклюза в этот день сообщают и другие источники.

² Molinari. «Les clubs rouges», р. 267.

³ «Vengeur», 1-е изд. № 1. 3/II—1871.

⁴ Ibidem, № 1. 3/II—1871.

Якобинцы рассеяны по всем кандидатским спискам: их можно найти и в «якобинском» (как его называли буржуазные газеты) списке, рядом с именами бланкистов, и в списке Интернационала, и в списке 4-х демократических комитетов рядом с либералами. Якобинцы попрежнему продолжают быть связующим звеном между правым и левым крылом оппозиции: ими держится вся цепь ее — от Гюго до Бланки. На выборах в Национальное Собрание оппозицию объединяют требования: 1) безоговорочного установления и 2) продолжения войны до победы.

Рост недовольства широких слоев мелкой буржуазии после перемирия не падает — «дела» не восстанавливаются, продовольствие поступает медленно, дороговизна стоит прежняя. В положении низов с открытием сообщений с остальной Францией не наступает заметного улучшения. Окончание войны ставит перед этим мелким буржуа прозный вопрос об уплате по различным обязательствам—выхода нет! Новые слои парижской мелкой буржуазии сдвигаются с места — молодежь «des Halles et marchés», как сообщает «Vengeur» подносит уезжающему в Бордо Пиа букет цветов¹. Авторитет и значение якобинцев увеличиваются: они получают на выборах в Национальное Собрание очень большое число голосов—за них голосуют все мелкие буржуа Парижа².

Это означает, что политика Национального Собрания окончательно восстанавливает против буржуазии низы Парижа: мелкая буржуазия, а с ней и якобинцы только теперь начинают чувствовать пропасть, разделяющую их интересы и интересы господствующего класса. Не забудем, что пролетариат пропасть эту видит уже с начала осады!

С открытием в Бордо Национального Собрания все резче и громче звучит голос якобинских газет (с 22 февраля к голосу «Vengeur» присоединяется еще голос новой газеты «Cri du peuple» Валлеса). Уже в феврале ставится ими вопрос о возможном отделении революционного Парижа и о возможном столкновении революционных городов Франции с контрреволюционной деревней-провинцией.

Якобинская пресса требует от собрания отказа от подписания позорного мира и сохранения в целости территории Франции:

«Следует сделать так»,—говорит «Vengeur»,—чтобы представители Парижа могли сказать в случае необходимости депутатам Уазы: если Вы вотируете мир короля, мир реставрации 1815 года, мы об'явим Вас изменниками Республики, союзниками пруссаков, и тогда мы учредим вместе с остальными республиканцами-депутатами Собрание для спасения Республики помимо Вас... и тогда, если этого захочет Париж, пусть они (т.-е. депутаты этого Республиканского Собрания) отправятся в Лион» и оттуда будут управлять Францией, отражать пруссаков... «Париж же со своей стороны должен быть готовым;

¹ Ibidem, № 14. 16/II—1871.

² Делеклюз получает 154 тыс., Пиа—145 тыс., Гамбон—136 тыс. из общего числа голосовавших в 328 тыс. За ближайшего в списке чисто рабочего кандидата бланкиста Тридона подано только 65 тыс. голосов. Вспомним, что как раз 62 тыс. голосов было подано против правительства Национальной Обороны 3 ноября 1870 г.

пусть он думает о создании своего правительства сопротивления, настоящего правительства обороны, Коммуны Парижа»¹.

Таким образом якобинцы предполагают:

- 1) распустить и расколоть существующее Национальное Собрание;
- 2) создать из одной республиканской части его новое революционное собрание в Лионе;
- 3) это новое революционное собрание подкрепить еще созданием Коммуны Парижа.

Восстанавливается, следовательно, программа 22 января.

Уже один патриотизм мелкобуржуазной массы гнал ее к разрыву с Правительством и с «деревенским собранием». Недовольство росло с каждым днем, усиливалось, готово было уже в феврале вылиться в наступление и в вооруженное восстание.

Каждый декрет Бордоского собрания был ударом не только по пролетариату, но и по широчайшим слоям мелкой буржуазии, по огромному большинству Парижа. И, если лишение жалования национальных гвардейцев или роспуск мобилей ударяли прежде всего по пролетариям, по безработным, повторяя июньские декреты Учредительного Собрания 1848 года, если декрет о немедленном погашении задолженности по квартирной плате и по найму торговых и промышленных помещений был направлен и против пролетария и против впавшего в нужду во время осады мелкого буржуа, то декреты о перенесении местопребывания правительства в Версаль, о «декапитализации» Парижа, как тогда говорили, и об уничтожении моратория направлены были своим острием исключительно против мелкого буржуа столицы. Угроза перенесения столицы в другой город не испугала, а возмутила и довела до бешенства этого мелкого буржуа: не забудем — индустрия и торговля Парижа как нигде зависели от «столичности» города, от наплыва иностранцев в «Современный Вавилон», от наплыва в «столицу Франции и всего мира» провинциалов. Париж всасывал лишние и нелишние деньги всего мира и всей Франции, и благосостояние мелких владельцев мастерских, мелких собственников торговых заведений и т. п. зависело от «блеска» Парижа. Недаром пресса этих мартовских дней, а в будущем и пресса Коммуны, озабочена успокоением взволнованных парижан примерами Нью-Йорка, Франкфурта и других мировых центров, не являющихся столицами, доказывая, что промышленному и торговому Парижу не грозит гибель от Версальской «декапитализации». Предъявление к протесту 150.000 векселей говорит само за себя — уничтожение моратория губило мелкого собственника.

Когда выясняется подлинное лицо Бордо, Пиа излагает целую теорию, утверждающую право «головы»-Парижа вершить судьбами Франции. В духе эпохи общество сравнивается с организмом: коллективная жизнь людей управляется теми же имманентными законами, что и жизнь отдельных индивидов. Человек умирает, будучи обезглавлен — мозг есть главный орган человеческого тела: «Париж — мозг Франции, ее столица, ее сарит не может быть перенесен для того, чтобы находиться в Туре или Бордо»,

¹ «Vengeur», 1-е изд. № 11. 13/II—1871. Проект этот повторяется еще в № 34 газеты от 10 марта 1871 года!

«Париж должен господствовать над Бордо, как Бордо господствует над Арбанасом, как голова господствует над руками и ногами», «всякое разделенное (на части) государство гибнет». Пиа выступает здесь прирожденным централизатором без каких-либо федералистических покровов: централизму Бордо он противопоставляет свой централизм (предполагает даже, вразрез со своими обычными представлениями, избрать Гарибальди президентом Франции)¹. О том же говорит и сотрудник газеты Клодонг в статье своей «Децентрализация». Он указывает на глубокий кризис старой императорской централизации и на необходимость искания новых путей.

Клодонг констатирует изменения в административной и экономической жизни Франции, наблюдающиеся в результате войны, и говорит о «новом» будущем. Он отказывается быть пророком, но обещает вскоре ознакомить читателя со статьей «Объединение Германии». Франции, очевидно, также следует сохранить свое единство, укрепить Францию «une et indivisible». ²

По мере раскрытия намерений Бордоского собрания всплывают в якобинской прессе и другие вопросы — приходится пересмотреть вопрос о праве и силе и снова проверить ценность прямолинейной демократии, приводящей к плебисцитам и Бордо: волей-неволей приходится приобщаться к бланкистскому материализму и признать, что сила управляет миром: Бриссак в № 15³ указывает на justice—справедливость, стоящую над принципом всеобщего голосования, так как «Основные права выше суждения большинства». Республика—такое право. Обстоятельства заставляют сходить с идеалистической позиции: «в политике разум всегда кончает тем, что побеждает, но лишь тогда, когда он в союзе с силой!»

Бордоское собрание самым фактом своего существования требует нового пересмотра якобинской концепции республики — всеобщее избирательное право, очевидно, переживает кризис. Якобинцам, поэтому, приходится искать коррективов к нему: «истинное» народное представительство должно быть «связано» с избирателями. Выборы по округам, а не по спискам, длительное обсуждение кандидатур, а то и полный отказ от такого обсуждения (чтобы не «насиловать» избирателя!), императивный мандат, право отзыва депутатов—вот подпорки под принцип всеобщего голосования, теряющий в глазах масс свой престиж. Дени в № 19 газеты, в статье «Парламентарная Республика» не находит слов для очернения парламентаризма, сравнивает даже режим его с режимом Римской империи эпохи падения (?!). Но, не находя слов для осуждения парламентаризма, Дени не в состоянии, и этого не могут сделать и другие якобинцы, выйти за пределы демократической республики: «единственная республика, возможная во Франции... это республика, которая будет республиканской, которая не будет ни монархической, ни конституционной, ни парламентарной, но будет позитивной, научной, демократической и социальной». Дени не прибавляет здесь того, что яко-

¹ «Vengeur», 1-е изд. № 16. 18/II—1871.

² Ibidem, № 24. 26/II—1871.

³ Ibidem, № 15. 17/II—1871.

бинцы и эту «научную» республику думают возвести на старом основании — на основах вечного *suffrage universel!* ¹.

Газеты якобинцев «*Vengeur*» и «*Cri du peuple*» в конце февраля и начале марта заметно двигаются навстречу пролетариату. Этот сдвиг — следствие изложенного выше процесса. Гнев мелкого парижского буржуа достигает в эти дни своего кульминационного пункта.

Полусоциалистический, полуякобинский «*Cri du peuple*», конечно, более остро, чем газеты Делеклюза и Пиа, ставит социальный вопрос: уже в первом номере, по поводу декрета о квартирной плате, заявляет газета о том, что «*le drapreau noire flotte sur la marmite*» ², а в другом февральском номере говорит о разорившемся мелком собственнике ³: «не квартирная плата довела до разорения этого человека: голосование деревенщины на бронзовых крыльях войны принесло ему это разорение. Несчастный: он расплачивается теперь может быть монетой нищего за действительных виновников, и этот бедняк — хозяин! Тем лучше. Я принесу ему завтра медяк и привлеку к служению Революции!» Газета говорит бланкистским языком, вспоминает июнь, и читателю может показаться даже, что он имеет дело с рабочей газетой: «Социальная революция приближается, слышите Вы! Народ ждет с оружием и молотом в руках, готовый к труду или к битве!» ⁴.

Но и приветствуя надвигающуюся революцию, приветствуя собрание в Ля-Кордэри, центральный комитет национальной гвардии, — «парламент в блузе», «труд в рубаше», «простой и сильный, с руками кузнеца»... Газета не решается на конкретный лозунг к выступлению. «Социалист борется посредством идеи», — говорит редактор «*Cri*» Валлэс, сдерживающий пыл слишком рьяных своих сотрудников ⁵. Сказываются мелкобуржуазные связи газеты.

Мартовские номера «*Vengeur*»'а полны тревоги и осуждения: 5 марта газета зовет к «бодрствованию» национальную гвардию, так как внешний и внутренний враг угрожает Парижу. «*Vengeur*» предупреждает о готовящемся покушении на пушки ⁶. Тактика Тьера сравнивается им с июньской тактикой Учредительного Собрания. Номер газеты от 7 марта весь полон предчувствием надвигающейся бури. 8 марта Пиа бросает массам уже прямой вызов ⁷:

«Национальные гвардейцы, решайте! Нет больше собрания. Крепко будем держать Париж. Не будем платить налога, сохраним наши деньги, нашу честь, Францию и Республику, а для того, чтобы сохранить их, сохраним — наше ружье!»

Будущий военный делегат Коммуны Кюзере в статье «Мир» подсчитывает потери Парижа — за все заплатит рабочий — «труд, плати и молчи!»,

¹ «*Vengeur*», 1-е изд. № 19. 21/II—1871.

² «*Cri du peuple*», № 1. 22/II—1871.

³ *Ibidem*, № 4. 25/II—1871.

⁴ *Ibid.* № 1. 22/II—1871.

⁵ *Ibid.* № 5. 26/II—1871. Валлэс в этом № извиняется за сотрудника Вермеша, будущего редактора «*Пэр-Дюшена*», за резкость его полемики с буржуазной прессой.

⁶ «*Vengeur*», 1-е изд. № 29 и № 30.

⁷ *Ibid.* № 32. 8/III—1871.

воскликает он¹: «Эти люди вызвали позор и расчленение Франции — издержки же понесет труд!» После позорного мира неминуемо уменьшится заработная плата и подымутся цены на продукты широкого потребления — «лабочники и рабочие, Вы будете разорены», — говорит Кюзере, связывая цепью общих интересов оба класса.

10 марта Феликс Пиа снова призывает образовать революционное правительство в Лионе. Он, кажется, впервые приветствует красный флаг и с сочувствием, но, конечно, неопределенно говорит о новом, светлом будущем².

Мелкая буржуазия готова поддержать своего союзника слева, но инициативу выступления в свои руки не берет — в решительную минуту она, в лице своей партии, готова на пассивное сопротивление, может только отказаться от уплаты налогов. Социальная природа нового якобинизма сказывается и в эти последние перед боем моменты.

Надвигающаяся революция могла быть только революцией пролетариата, «каковы все революции XIX столетия». В день 18 марта пролетариат Парижа увлечет за собой в своем порыве вперед и нерешительных якобинцев и ту мелкобуржуазную массу, представителями которой они являлись.

«Всякая революция выдвигает рядом с истинными ее представителями, еще и людей другого покроя», — говорил в «Гражданской войне» Маркс. «Таковы, с одной стороны, люди, игравшие выдающуюся роль в прежних революциях, сросшиеся с ними и потому не понимающие смысла настоящего движения... таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные нападки на существующее правительство... Такие люди появились и после 17 марта... Они — неизбежное зло; от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна и не имела»³.

Якобинцы — это «неизбежное зло». Изучение их прессы в эпоху Парижской Коммуны — первый шаг на пути к правильному разрешению проблемы «ошибок» Коммуны. Опромную важность этой проблемы для современников Октября вряд ли можно отрицать.

¹ «Vengeur». № 33. 9/III—1871.

² Ibid. № 34. 10/III—1871.

³ «Гражд. война во Франции», изд. ВЦСПС, 1924. Стр. 50.

**о Парижской коммуне -
документы, исследования, мемуары, публицистика,
пьесы, стихотворения, романы,
живопись и графика,
радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune**